К вопросу об идеологии терроризма

Яхьяева Мархат Увайсовна, ассистент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО "Чеченский государственный университет", г. Грозный

Представляется целесообразным начать разговор об идеологии терроризма с утверждения, что круг идей, составляющих мировоззрение террориста, не совпадает с совокупностью идейно-теоретических и практических соображений, под влиянием и в соответствии с которыми он ведет свою борьбу.. кратко эту мысль сформулировал У. Лакёр фразой: «Терроризм не является идеологией, но представляет собой бунтарскую стратегию, которая может применяться приверженцами самых разных политических течений…»[1,с.59]. Тем самым подчеркивается, что у идеологии терроризма как определенного мировоззрения и как руководства к практическому действию разные идейные корни.

Германский автор Манфред Функе в статье «Терроризм – попытка расследования вызова», ссылаясь на другого своего соотечественника – Г. Лангемана – утверждает, что «…настоящая борьба с отдельным политическим убийством просто как с политическим преступлением с применением насилия, прежде всего, может быть только с философской точки зрения, что хотя преступника и можно посадить в тюрьму или вынести ему смертный приговор, но его идеалам и идолам, из внутренней сути которых вытекает его преступление и за которые в любое время может выступить другой преступник, можно нанести действительный удар только с помощью идеологического оружия… все остальное… лишь временное явление, обусловленное ситуацией и аффектом, и оно распадается, когда достаточная дань расплате…»[2,с.60].

Использование силового ресурса и правовых механизмов в борьбе с терроризмом – ничто, если при этом не учитываются его идейные корни, если им не противопоставляется иная, но столь же сильная по своему воздействию на мировоззрение человека идея, как и та, что подвигает террориста на совершение террористического акта. Вот почему наиболее сложной является борьба с националистическим и сепаратистским терроризмом. Идеи крови и почвы из всех великих идей являются наиболее древними и наиболее волнующими, нанесенные на их основе обиды зачастую, как показывает история, не способно вытравить никакое время. «Член ИРА, палестинец, франко-канадец, молукканец или баск, корсиканский автономист или тирольский сепаратист могут понятно выразить свои мотивы…»[3,с.536], - писал М. Функе, размышляя об эволюции западногерманского терроризма от стихийного бунта против системы (лучше поджечь универмаг, чем быть его владельцем!) до бессмысленных акций с преобладанием эгоистических мотивов, искажающих всякое представление о революционной культуре.

В действительности, терроризм, осуществляемый по социальным мотивам, может переживать состояния спада или упадка, когда идеи, породившие его, начинают ослабевать в сознании людей, вызывать скепсис и недоверие. Таковой была судьба леворадикальных террористов Западной Европы 60-х – 70-х гг. XXв.

Зародившись в «карнавальной» атмосфере 60-х гг. с ее во многом показным, символическим протестом, романтикой утопических порывов, страстной поглощенностью проблемами и процессами «третьего мира». Это привело к тому, вместо усиления революционных настроений деятельность террористов все более вызывала массовое недовольство и осуждение, что привело их к углубляющейся изоляции. Террористическая деятельность перестала быть предметом теоретических рассуждений и приобрела характер антиинтеллектуальной политической практики.

Поскольку общественные цели исчезли из деятельности террористов, механизм ее замкнулся и основным импульсом к продолжению борьбы стала защита личных интересов инициаторов террористических акций.

Социальный терроризм в странах Запада стал сдавать свои позиции. На этом фоне даже такой маститый терролог, как Уолтер Лакёр, констатировал, что к концу 70-х гг. волна терроризма при всех оговорках отступила. Зарубежные и отечественные авторы, констатировавшие в начале-середине 80-х гг. полное отсутствие у левых террористов какой бы то ни было прогрессивной или протестной революционной идеи, смычку их на этой основе с неофашистами и обычными уголовниками, тогда еще не могли знать, что наблюдают не кризис социального терроризма, а момент спада, связанный со сменой глобальной мировоззренческой парадигмы человечества[4,с.499].

С одной стороны, под влиянием системного кризиса в лагере социализма идеи левых теряли былую притягательность и популярность, уступая место все более оживляющимся праворадикальным расистским и неонацистским взглядам. С другой стороны, общий кризис цивилизации, основанной на либерально-материалистической идеологической доктрине, в основе которой лежало философское наследие эпохи Просвещения и прагматический рационализм западной культурной традиции, реанимировал интерес к разного рода религиозным мировоззрениям как в устоявшихся, ортодоксальных, так и во внеинстуциональных модернистских формах. [5,с.357].

В этих условиях многие общества с традиционно сильными собственными мировоззренческими устоями ощутили опасность утраты культурной идентичности, потери с таким трудом завоеванной самостоятельности и растворении в безликой техницистской массовой псевдокультуре Запада. Возникли доктрины, предвещающие близкий конец света и явление Антихриста под предлогом установления нового мирового порядка. Политические и деловые круги незападного мира, деятельность и мировосприятие которых не связаны с пристальной ориентацией на США и их союзников, также почувствовали угрозу своему монопольному положению в ряде сфер, включая сферы теневого и преступного бизнеса, например, производство и торговля наркотиками. Все это сыграло роль в формировании таких сложных идеологических конструкций, которые фактически воодушевляют террористов сильнее, чем идеи борьбы с капиталом и возведенной им социальной системой, основанной на нищете и бесправии. Несомненно, что сутью всех идеологических доктрин, мировоззренчески обрамляющих терроризм, является экстремизм радикально-революционного и радикально-консервативного толка. И тот, и другой в свою очередь может быть как ортодоксального, так и реформистского характера.

Литература:

1. Кожушко Е.П. Современный терроризм. Анализ основных направлений / Под ред. А.Е. Тараса. – Минск: МГРТУ, 2010. - 368с.

2. Бидова Б.Б. Уголовное законодательство зарубежных государств и международные стандарты в сфере противодействия молодежному экстремизму //Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2011. № 4. - С. 60-61.

3. Бидова Б.Б. Экспансия исламского радикализма на Северном Кавказе //Молодой ученый. 2013. № 6. - С. 535-537.

4. Бидова Б.Б. Историко-правовые аспекты феномена экстремизма в России //Молодой ученый. 2013. № 5. - С. 498-501.

5. Бидова Б.Б. Криминологическая характеристика экстремизма, основанного на национально-религиозной специфике Северо-Кавказского федерального округа //Молодой ученый. 2012. № 12. - С. 356-358.